

Г. А. Печников, А. П. Блинков

ЗАКОННОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается вопрос о значении принципа законности в уголовном процессе и необходимости различать «истинную» законность и «формальную» законность. Проводится мысль о том, что подлинная законность возможна лишь в уголовном процессе с объективной истиной. Тогда как в действующем состязательном УПК РФ принцип законности ориентирует на «юридическую», «процессуальную», «формальную» истину. В УПК РФ законность призвана обслуживать состязательность.

Ключевые слова: законность, принцип, обоснованность, объективная истина, справедливость.

G. A. Pechnikov, A. P. Blinkov

LEGALITY AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEDURE

The article focuses on the issue of the meaning of the principle of legality in criminal procedure and the necessity to distinguish the true legality from the formal legality. The authors state that the true legality is possible only in criminal procedure with the objective truth while in the effective adversary Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the principle of legality aims at the legal, procedural or formal truth. In the RF Code of Criminal Procedure legality is designed to support the contentiousness.

Keywords: legality, principle, reasonableness, objective truth, justice.

Законность — основа государства. Создание правового государства должно укреплять значимость закона, принцип законности. Законность — универсальный общеправовой принцип, который нашел свое нормативное воплощение в многочисленных статьях действующей Конституции РФ.

Суд осуществляет правосудие на основе закона и согласно с закону и обязан обеспечить деятельность сторон в соответствии с предоставляемыми им законом правами и обязанностями. Для следователей и органов дознания соблюдение требований законности должно означать прежде всего обеспечение быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений, проведение всех необходимых действий по собиранию и исследованию доказательств в строгом соответствии с законом [1]. В действующем УПК РФ (в отличие от прежнего УПК РСФСР) имеется статья, специально посвященная принципу законности.

Согласно ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу»:

1. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять закон, противоречащий настоящему Кодексу.

2. Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом.

3. Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

4. Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Анализ данной статьи позволяет сделать следующий вывод: ч. 1 ст. 7 УПК РФ,

раскрывающей содержание принципа законности в уголовном судопроизводстве, связана с ч. 1 ст. 1 УПК РФ, где говорится, что порядок уголовного судопроизводства определяется УПК РФ, основанным на Конституции РФ, иначе говоря, уголовно-процессуальным законом, и только данным законом. Ничего нового рассматриваемая норма не приносит. Часть 2 названной статьи также повторяет идею, сформулированную в ч. 1 ст. 1 УПК РФ, и воспроизводит общеизвестное теоретическое положение о том, что закон — это нормативный акт, имеющий высшую юридическую силу и приоритет по отношению к подзаконным актам. Содержание ч. 3 комментируемой статьи воспроизводится в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, где говорится, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Следует присоединиться к данному комментарию и выводу Б. Т. Безлепкина о том, что целесообразность повторного включения в УПК РФ норм, которые не порождают новых правоотношений, спорна. Их практическая ценность сомнительна [2]. Однако суть дела этим не исчерпывается. Гораздо важнее осмыслить саму законность, проявление ее сущности и назначения в действующем либеральном УПК РФ. При этом важно, чтобы содержание законности как принципа соответствовало бы своему понятию, своему истинному назначению. И здесь мы вправе говорить об «истинной» и «формальной» законности.

В «истинной» законности форма должна соответствовать своему содержанию. В противном случае мы будем иметь «по форме правильно, а по существу издевательство», т. е. совсем иное, ненадлежащее форме содержание, не отвечающее требованиям подлинной, истинной законности. Законность не должна быть чисто формальной, безразличной к своему содержанию. На наш взгляд, подлинная, в диалектическом смысле, законность может быть только там, где уголовно-процессуальный закон ориентируется на объективную истину. Ведь закон — это нечто общее, как и объективная истина. То есть законность следует рассматривать в контексте диалектической системы противоположностей: «общее» — «отдельное».

Это означает, что отказ от «общего» недопустим, ибо тогда все будет сводиться, вопреки диалектике, к одному «отдельному», что неизбежно ведет к торжеству принципа: все относительно, условно, релятивно, в том числе и законность. Как в известной поговорке: «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Это значит, что в такой релятивистской системе не будет по-настоящему четко проводиться различие между законностью и беззаконием и, в частности, между допустимыми и недопустимыми доказательствами, между презумпцией невиновности и презумпцией виновности, между вероятностью и достоверностью и т. д. — все становится относительным, условным, а все абсолютное отрицается.

В частности, в ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» упор, на наш взгляд, все же делается именно на «формальную» законность. Это вытекает из самого смысла нового УПК РФ, отказавшегося от объективной истины и ориентирующегося лишь на «юридическую (вероятную)» истину. В п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ говорится о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Все же законность в контексте назначения уголовного судопроизводства без объективной истины означает, как видится, требование лишь формально правильно, формально законно, юридически точно обосновать предъявленное обвинение. А насколько соответствует такое формально законное и юридически правильно обоснованное обвинение объективной действительности, реальным обстоятельствам дела, объективной сущности дела, объективной истине — такой вопрос, как представляется, перед формальной законностью, сориентированной на «юридическую, процессуальную (вероятную)» истину, по-настоящему, по существу, не ставится.

Так, В. Никитаев относит объективную (материальную) истину к фикции, юридической фикции, поэтому проводит идею «процессуальной истины» в уголовном процессе. Под «процессуальной истиной» он понимает «соответствие судебного процесса (а значит, и его

результата) требованиям процессуального права» [3].

Законность в уголовном состязательном процессе с «юридической» истиной призвана служить обеспечению состязательности сторон (обвинения и защиты) в юридически «выигрышном» процессе. Победителя состязательного поединка определяет суд, связанный требованием соблюдения формально-правильной законности, выясняя: юридически правильно или юридически неправильно обосновано обвинение. И в зависимости от этого приговор суда будет обвинительным либо оправдательным.

Идея «юридической (вероятной)» истины и связанного с ней презюмирования заложена уже в упомянутой ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», откуда вытекают, на наш взгляд, следующие презумпции: «что юридически обосновано, то доказано («юридически доказано»); «что формально юридически правильно, то и истинно» («юридически истинно»). Основополагающими здесь оказываются понятия «обоснованность», «обоснование» («обоснованное обвинение»). Выходит, для законодателя важна формальная юридическая обоснованность сама по себе, т. е. важна «формальная законность», чисто «юридическая законность». Как видим, объективная истина здесь исключается, и речь может идти лишь о «юридической истине» [4].

Но юридически можно обосновать любой тезис, как верный, так и неверный, можно приводить разные доводы «за» и «против» в силу многоаспектности, многогранности любой вещи вообще. Это называется софистикой. Истинное же доказывание обязательно предполагает объективное исследование (объективная истина есть процесс), а не просто формальное юридическое обоснование своего тезиса, правдоподобной версии, т. е. «готового знания», например, стороной обвинения. В этом не просматривается необходимой связи с объективной истиной, нет диалектики развития процесса познания от незнания к знанию, от явления к сущности, от следствия к причине, от субъективного к объективному, от вероятности к достоверности, от версии к истине, а суть дела

исчерпывается, на наш взгляд, одним субъективным, версионным, вероятностным уровнем познания. Этот уровень, конечно, необходим, но он недостаточен для действительного, истинного познания реальных, достоверных обстоятельств дела [5].

Создание правового государства укрепляет значимость закона, принцип законности, который является общеправовым и общегосударственным. Требование законности заложено в каждом принципе уголовного судопроизводства; оно также обращено и к практике правоприменения, которая не должна отступать от закона, заменять закон усмотрением. К. Маркс подчеркивал: «Никто, даже самый лучший законодатель, не должен ставить свою личность выше защищаемого им закона» [6].

Юридическая форма, конечно, важна, но объективная истина не сводится к одной лишь внешней форме, требуется и содержание, которое должно обнаруживать свою необходимую сущностную связь с объективной реальностью. То есть в основе теории познания (гносеологии) должен лежать принцип отражения объективной действительности сознанием юриста, а не противоположный принцип «субъективного усмотрения» («отсебятины»), когда юрист (следователь, судья) не устанавливает, а как бы сам «творит» обстоятельства уголовного дела [7], создает картину происшествия [8].

Диалектический подход требует постановки такого вопроса: какая законность? Либо это «истинная» законность, когда уголовно-процессуальный закон служит интересам достижения объективной истины по уголовным делам, формулирует необходимые требования к ее достижению (как в ст. 20 УПК РСФСР: суд, прокурор, следователь и лица, производящие дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выяснять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его вину обстоятельства), либо законность призвана создавать лишь «правила игры», необходимые для состязания сторон, для выяснения: какая из сторон сильнее (законность для состязательно-выигрышной

истины), такая законность будет всегда на стороне сильного, победителя в состязании сторон. То есть следует четко различать «объективно-истинную» законность и «состязательно-выигрышную» законность; законность «состязания для состязания». Это различные виды (типы) законности. Либо законность призвана служить высокой справедливой цели установления объективной истины в уголовном процессе, либо заниженным, прагматическим своекорыстным целям выигрыша процесса (дела) той стороной, которая сильнее, опытнее, изощреннее, красноречивее и т. п. В УПК РФ законность призвана обслуживать состязательность. В своей монографии «Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики» В. Т. Томин исходит из необходимости познания объективной истины в уголовном процессе [9, с. 204—205], что, безусловно, важно и актуально. Но возможна ли объективная истина в рамках состязательного УПК РФ? В. Т. Томин пишет: «В настоящей работе под термином *«материальная истина»* понимается *объективная истина, познаваемая по уголовному делу допустимыми уголовно-процессуальными средствами*. Последнее необходимо блюсти в силу принципа законности уголовного судопроизводства...» [9, с. 208].

Но твердо соблюдая действующий уголовно-процессуальный закон, объективной истины, на наш взгляд, достичь нельзя, поскольку его нормы ориентируют на достижение лишь юридической, состязательно-выигрышной истины. Фактически это подтверждает и сам В. Т. Томин, когда пишет: «Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что цель познания — установление объективной истины. То, что разработчики проекта УПК РФ в конструировании норм доказательственного права не слишком жаловали объективную истину в уголовном судопроизводстве, уже неоднократно отмечалось процессуалистами. Наиболее отчетливо это сделал, пожалуй, В. П. Божьев. Честь и хвала ему за это! Задам законный вопрос: на чем основывается отечественное доказательственное право в интерпретации его УПК РФ, если уже в понимании цели доказывания оно (доказательственное право) отстает от

своей основы (теории познания)? Уголовно-процессуальный кодекс РФ не только не употребляет в своем тексте термина *«истина»*, но и *существенно затрудняет ее познание по уголовному делу*. Его ст. 75, ч. 1 ст. 86, ст. 89 и несколько других норм реально препятствуют познанию по уголовному делу... ст. 75 и 83 УПК РФ в совокупности, действительно, образуют западню, капкан для процесса познания по уголовному делу. Иногда не можешь отогнать от себя мысль, что что-то (или кто-то) в механизме современной демократии специально работает против привлечения к уголовной ответственности определенных категорий злочинцев, в частности коррупционеров» [9, с. 210—211, 218]. Отсюда, следовало бы, как представляется, сделать необходимый вывод о том, что в таком случае требуется новый Уголовно-процессуальный кодекс с объективной истиной, или объективная истина требует принципиально иной тип уголовного процесса с «объективной», а не «выигрышной», формальной законностью и справедливостью.

Принцип законности по своей сути направлен на то, чтобы исключить произвол из общественной жизни, из тех отношений, которые регулируются в правовом порядке, не случайно слово «беззаконие» означает, по существу, «произвол». Законность — это антипод произвола, который несовместим с произволом [10]. И сам законодатель должен проводить четкую грань между законностью и беззаконием, произволом. Законность в уголовном процессе должна быть неразрывно связана с неотвратимостью ответственности виновных. Но законодатель в состязательном УПК РФ делает упор на равенство сторон в состязании, а не на неотвратимость ответственности за содеянное. Однако уголовный процесс не вправе стоять в стороне от борьбы с криминалом. Не выигрыш дела в свою пользу, а неотвратимость ответственности, достоверное раскрытие каждого преступления должно составлять сердцевину уголовного судопроизводства. Если не действует принцип неотвратимости ответственности виновных, то что происходит на практике? Приведем фрагмент выступления из программы «Открытая студия»,

эфир от 10 декабря 2010 г., тема: «Богатства чиновников»: «Никакого усиления борьбы с коррупцией не происходит, за последние три года число разоблаченных и наказанных коррупционеров не изменилось. Например: в 2007 г. было зарегистрировано 21 842 преступления, в заключении ока-зались 675 человек; в 2009 г. — 23 518 преступлений (больше на 7 %), за решетку попало 903 человека. Получается, что те меры, которые пытаются принимать, не срабатывают. Методами следствия и наказания коррупцию не победить, должна быть коррупциогенность законов, деятельность чиновников должна быть максимально регламентирована.

С 2000 г. в Китае расстреляно за коррупцию около 10 тыс. чиновников, еще 120 тыс. получили по 10—20 лет заключения. А в России в 2009 г. максимальное наказание от 5 до 8 лет за взятку получили 5 человек. Это говорит о том, что коррупция побеждает» [11].

Сама практика неопровержимо доказывает, что неотвратимость ответственности виновных обязательно должна быть органической составляющей сущности уголовного процесса. «Законность не может нарушаться по соображениям целесообразности отступления от закона...» [12]. При этом целесообразность может выступать под разным «соусом» — в виде государственной, партийной, местной, региональной, практической и даже личной. В любом случае закон отодвигается в сторону. Раз необходимо что-то сделать, а закон мешает, появляется тот или иной вид целесообразности [13, с. 602—611]. Не последними причинами правового и нравственного нигилизма, деформации правосознания являются изъяны в следственно-судебной практике. Еще классики утверждали: есть два способа разложить нацию — наказывать невиновных и не наказывать виновных. У нас допускается и то и другое. Устранение этих уклонов — один из путей формирования высокой правовой культуры общества, чувства законности и справедливости [13, с. 596].

В одном из юридических диалогов журналист Ю. Феофанов, касаясь ошибок, допущенных следователями, так поставил вопрос: «Что можно

сделать, чтобы закон все же стоял над следователем, а не наоборот, как это, увы, бывает?» [14].

Похоже целесообразностью (личной), а не законностью руководствовался следователь, которым все участники драки, кроме непосредственного убийцы спартаковского болельщика Егора Свиридова, были отпущены на свободу под подписку о невыезде — и немедленно скрылись. Это вызвало 11 декабря 2010 г. мощную протестную акцию молодежи на Манежной площади в Москве. Толпы молодых людей требовали от правоохранительных органов честного расследования. Невнятные действия правоохранительных органов по отношению к обвиняемым в убийстве Е. Свиридова сами по себе накалили обстановку, стали спусковым крючком для протеста. «Закон не действует сам по себе, подобно гегелевскому мировому духу. Его исполняют люди, и в первую очередь — стоящие на страже закона, отвечающие за правопорядок» [15].

Если состязательный УПК РФ отказался от объективной истины, тогда все относительно, релятивно, отрицается действие объективных диалектических закономерностей. Именно для нашего времени характерен релятивизм, отрицание всего абсолютного, активная реализация правового принципа «разрешено все, что не запрещено законом» (по сути, проповедь вседозволенности). И этот современный релятивизм прочно усвоен действующим уголовным процессом. Не случайно УПК РФ предусматривает возможность подозреваемому и обвиняемому защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами (ч. 2 ст. 16 УПК РФ). Но принцип релятивизма затрагивает непосредственно и сам закон, законность, вырабатывает у правоприменителей релятивное отношение к самой законности — все условно, все относительно, в том числе и законность, что порождает правовой нигилизм. Тем самым неизбежно падает само значение законности в состязательном УПК РФ, если ничего святого нет, а «объективная истина — изживший себя концепт» [16].

Состязательный уголовный процесс исходит из приоритетности установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела, т. е. процессуальная форма в нем имеет приоритет над объективной истиной.

Поскольку состязательная форма УПК РФ имеет приоритет над содержанием, самодостаточна и составляет сущность российского уголовного процесса, то такой процесс сводится к достижению «юридической (процессуальной, формальной)» истины. Это процесс формальной законности. Цели в таком процессе занижены, они носят прагматически выигрышный характер. Если процессуальная форма самоценна, значит, в УПК РФ осуществляется подход: «законность для законности», «форма для формы», «состязание для состязания». Такой процесс как бы замкнут на себя, он бесполезен, малоэффективен для осуществления необходимой и важной государственной задачи — борьбы с преступностью. Отчасти поэтому растет преступность, обстановка в стране крайне криминогенна. Состязательная конструкция УПК РФ позволила ему самоустраниться от борьбы с криминалом. Однако научно сконструированный уголовный процесс требует цели, которая бы выходила за пределы средств, т. е. «состязания для состязания».

Как верно отметил В. В. Лунеев: «Процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу» [17].

Список библиографический ссылок

1. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 74—75.
2. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 16.
3. Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лаб. М., 1996. Вып. 1. Ч. II. С. 301.
4. Пашин С. А. Судебная реформа и суд присяжных. М., 1994. С. 57—60; Никитаев В. В. Указ. соч. С. 239, 264.
5. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе. Волгоград, 2007. С. 238—239.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 4-е изд. Т. 1. С. 140.
7. Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 401.
8. Никифоров А. Л. Природа философии: основы философии. М., 2001. С. 46.
9. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 204—218.
10. Алексеев С. С. Право и наша жизнь. М., 1978. С. 93—94.
11. Открытая студия: программа 5 канала (Санкт-Петербург). Эфир от 10.12.2010. Тема: «Богатства чиновников» [Электронный ресурс]. URL: www.5-tv.ru/programs/broadcast/505975/ (дата обращения: 22.06.2011).
12. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 20.
13. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 596, 602—611.
14. Феофанов Ю., Гуляев А. Пока не вынесен приговор // Известия. 1987. 22 мая.
15. Белов Ю. Станица Куцёвская как вся Россия // Правда. 3—6 декабря 2010. № 133 (29620).
16. Александров А. С., Кухта А. А., Абдуллаев Я. Р. Оперативное сопровождение поддержания государственного обвинения в суде // Практическое законодательство. 2007. № 1. С. 62.
17. Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Гос-во и право. 2004. № 1. С. 15.